

Янь Цзинь никак не ожидал, что их третья встреча с Чжоу Ли произойдет так скоро.

Впрочем, не так уж и скоро — прошел целый год. Но все равно, встретиться спустя всего год он не рассчитывал.

Его доставили в госпиталь прямо с Южного фронта.

Солнечный свет заливал палату. На подоконнике безмятежно цвели два букета, которые Цю Тун передал через медсестру. В коридоре стояла тишина, нарушаемая лишь мерным гулом медицинского оборудования.

Только спустя три или четыре дня после того, как Янь Цзинь пришел в себя, Цю Туну разрешили его навестить. Тот принялся упрекать Янь Цзиня за обман: мол, обещал, что никакой опасности не будет, а сам вернулся в таком состоянии.

Янь Цзинь лишь улыбнулся и хрипло ответил, что действительно ничего опасного не было — за весь год службы это первое ранение.

Сейчас ему нельзя было пить, поэтому Цю Тун смачивал ватной палочкой его тонкие, лишенные крови губы.

— Брат Янь, ты опять хитришь, — проворчал он.

— Это правда не было опасно, — медленно произнес Янь Цзинь. — В конце концов, я на Южном фронте уже пятнадцать лет, было бы странно, если бы я ни разу не пострадал.

Цю Туну нечего было на это ответить, и он лишь тихо пробормотал:

— Тоже верно...

Время посещения было ограничено, и вскоре медсестра выпроводила Цю Туна. Янь Цзинь остался один, глядя в окно.

Большую часть времени он проводил в одиночестве. Изредка его навещали люди из военного округа или Министерства иностранных дел — якобы справиться о здоровье, а на деле — чтобы поговорить. Хотя они всякий раз притворялись сотрудниками госпиталя, для Янь Цзиня этот маскарад был слишком примитивным, чтобы не заметить подвоха.

Он не хотел создавать себе лишних проблем, поэтому подыгрывал им, отвечая на вопросы, будто и правда верил в их легенду.

После обеда никто не приходил, врачи и медсестры тоже заглядывали редко, и Янь Цзинь обычно дремал — редкая возможность выспаться днем.

Находясь в полузабытьи, он внезапно ощутил на себе взгляд, словно зверь выслеживал добычу. С трудом разлепив глаза, он увидел на диване напротив высокого мужчину. Очевидно, альфу.

Янь Цзинь сфокусировал взгляд, и сон как рукой сняло.

Даже без очков он узнал бы этого человека: на него, не мигая, смотрел Чжоу Ли с невозмутимым, красивым лицом.

Солнечные лучи падали на фигуру статного альфы, в воздухе витал едва уловимый запах табака... Прекрасный дневной сон на этом закончился.

Что Чжоу Ли здесь делает?

Янь Цзинь замер в той же позе, в какой проснулся, и, притворившись, что не узнал гостя, снова прикрыл глаза. Тело было разбито ранами, но голова работала исправно — галлюцинаций быть не могло.

Не в силах понять причину визита, Янь Цзинь решил сменить тактику и открыл глаза. Он попытался сесть, но израненное тело не слушалось. После долгих усилий он лишь приподнял торс, изрядно смяв простыни и одеяло.

— Вы... — горло саднило от сухости, говорить было больно. Янь Цзинь осторожно прочистил его и выдавил: — Добрый день.

Ему хотелось спросить, зачем Чжоу Ли пришел, что случилось, почему он в госпитале... Но слова застряли в горле.

С какой стати спрашивать? У него нет причин проявлять заботу о Чжоу Ли.

Раньше не было, сейчас нет, и в будущем не будет.

Все считали его самым важным человеком в окружении Чжоу Ли, тем, кто понимает его лучше всех и знает все его мысли.

Если у кого-то возникали дела к Чжоу Ли, но люди боялись или не были с ним достаточно близки, чтобы не навлечь гнев, они всегда сначала обращались к Янь Цзиню. Неизвестно как, но пополз слух: если Янь Цзинь говорит, что все в порядке, значит, так оно и есть.

На самом деле это было не так. Он просто слишком долго находился рядом с Чжоу Ли и привык к его повадкам — о глубоком понимании здесь речь не шла.

Разве может слуга заявить, что понимает своего господина? Янь Цзинь не осмелился бы. Каждый раз, когда его так «хвалили», он лишь вежливо и сдержанно улыбался, а затем в шутливой форме искренне отрицал это.

Впрочем, он признавал, что неплохо изучил характер Чжоу Ли. Тот был высокомерным, властным альфой, привыкшим, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. Он был нетерпелив, не умел ставить себя на место других и не проявлял сочувствия. Чжоу Ли всегда действовал так, как хотелось ему, не заботясь о процессе, выбирая самый быстрый и прямой путь к цели.

К счастью, у него была одна особенность: его легко было умиротворить. Стоило лишь погладить по шерстке и мягко направить — в большинстве случаев Чжоу Ли удавалось убедить.

Янь Цзинь следовал принципу: не спорить, не мешать, не отказывать, не препятствовать. Даже если вмешательство было неизбежно, он действовал окольными путями, исподволь подводя Чжоу Ли к тому, чтобы тот сам осознал необходимость решения.

Поначалу это было трудно. Заставить юного господина Чжоу, совершенно не умеющего сопереживать, заметить чужой отказ — задача почти невыполнимая. Да и семья Чжоу не собиралась обучать его подобным вещам: им не нужно было, чтобы он понимал других.

Сострадание делало их слабыми. Члены семьи Чжоу должны были только брать.

Жажда обладания текла в их крови. Интересы семьи были превыше всего, и каждое поколение неукоснительно следовало этому правилу.

Если впереди гора — снести её; если море — осушить; если бескрайний космос — проложить новые маршруты. После начала межзвездной эры семья Чжоу, движимая этой верой, сплела из торговых путей гигантскую сеть, охватившую всю вселенную.

Используя эту сеть, они прибрали к рукам богатства половины космоса, и ничто не могло остановить их на пути к новым захватам.

<http://bllate.org/book/20838/2100068>